

Глава 3

Чжоу Инь промолчал. Вместо него поспешил ответить встревоженный Чжоу Чай:

— Почтенный бессмертный, это мой младший сын, Чжоу Инь.

Собеседник — совсем еще молодой человек — хмыкнул и придирчиво оглядел Чжоу Иня с ног до головы. Затем он скользнул пренебрежительным взглядом по остальным ребятишкам, скривил губы и ткнул пальцем в сторону мальчика:

— Ладно, пусть будет он.

Чжоу Чай просиял, не веря собственным ушам:

— Почтенный... почтенный бессмертный, вы хотите взять его в ученики?

Тот небрежно отмахнулся:

— Способности у него курам на смех, так что о внутреннем дворе и думать нечего. Пойдет во внешний — дрова колоть, воду носить, прислуживать старшим. А там, коли судьбе будет угодно, поглядим.

Как бы ни хотелось Чжоу Чаю пристроить сына к великим заклинателям, перспектива отдать ребенка в слуги охладила его пыл. Если мальчик не сможет постичь тайны волшебства, а будет лишь гнуть спину на чужих людей, не лучше ли оставить его дома? Пройдет пара лет, утихнет война, и Баоэр сможет выучиться грамоте, зажить спокойной, мирной жизнью обычного человека.

Для семьи Чжоу одного Далана было вполне достаточно.

— Благодарю за вашу щедрость, почтенный бессмертный, но мы, пожалуй...

— Я согласен, — перебил отца Чжоу Инь.

Чжоу Инь уловил в голосе отца намерение отказаться и решительно вмешался.

— Баоэр! — ахнул Чжоу Чай.

Молодой заклинатель из Школы Меча Зеркального Моря окончательно потерял терпение. Он и без того не чаял разглядеть в мальчишке хоть какую-то искру таланта, а нерешительность крестьянина, который вел себя так, словно сына забирали на каторгу, и вовсе задела его за живое. Для любого простого смертного возможность переступить порог школы заклинателей была величайшим даром небес — счастьем, за которое другие отдали бы жизнь.

Холодно хмыкнув, юноша все же подавил раздражение — приказ старейшин нужно было выполнять. Набравшись терпения, он снизошел до объяснений с темным крестьянином:

— Раз в пять лет наша школа проводит испытания. Если твой сын проявит усердие в тренировках и докажет, что чего-то стоит, путь во внутренний двор для него не закрыт.

Школа Меча Зеркального Моря давно клонилась к упадку. Былое величие обратилось в прах, талантливых преемников не хватало, и орден отчаянно нуждался в новых людях. Руководствуясь принципом «лучше взять хоть кого-то, чем остаться ни с чем», они принимали даже тех, чьи духовные корни были едва различимы. Иного выхода у некогда могущественной школы просто не оставалось.

— Я хочу пойти, — ровным голосом повторил Чжоу Инь.

Деревня Чжоу лежала у самого подножия горного хребта, неподалеку от Школы Меча Зеркального Моря. По праву соседства именно ее заклинатели должны были первыми выбирать себе учеников из местных детей. Однако Обитель Золотого Двора нагло перехватила инициативу, забрав лучших из одаренных ребяташек. То, что хозяева этих земель не осмелились даже выказать недовольство, красноречиво свидетельствовало о глубине их упадка.

С тех пор как погиб великий Хэлянь, миновало более пяти тысяч лет. За эти века мир изменился до неузнаваемости: старые союзы рухнули, границы перекроились, а на смену прежним орденам пришли новые силы. Наверняка и сами методы совершенствования теперь отличались от тех, что были прежде. В своей прошлой жизни Хэлянь, пусть и прослыл грозным владыкой демонов, никогда не ограничивал себя рамками одной лишь темной магии. Он глубоко изучал и путь меча, и даосские практики, находя в каждом свои достоинства. Мастер прекрасно знал: мир полон сокрытых тигров и драконов, и даже самый невзрачный орден может хранить крупницы уникального знания.

Именно поэтому Чжоу Инь решил отправиться в Школу Меча Зеркального Моря. Каким бы плачевным ни было ее нынешнее положение, в эпоху своего расцвета она считалась первоклассным орденом, а значит, хранила собственное наследие и методы обучения. Ему, начавшему этот путь с чистого листа, новая стезя могла открыть совсем иные горизонты, а это дорогого стоило.

Если уж Чжоу Инь что-то решал, Чжоу Чай и матушка Цзи были бессильны его переубедить.

Заклинатели отобрали Чжоу Иня и еще нескольких деревенских ребяташек, после чего дали им три дня на прощание с близкими, пообещав вернуться в назначенное время.

Для простых крестьян эта разлука мало чем отличалась от вечной. Ступив за порог великой обители и начав восхождение к бессмертию, адепт навсегда покидал мир людей. Возвращение домой разрешалось лишь тем, кто достиг вершин мастерства, да и то лишь для выполнения поручений ордена. Мирские привязанности ослабляли дух и мешали созерцанию Дао, а потому обрыв всех земных связей был непреложным законом. И здесь не было разницы между

даосами, буддистами или последователями темного пути — предписание оставалось единым для всех.

Лишившись один за другим двоих сыновей, матушка Цзи выплакала все глаза, и сердце ее разрывалось от тоски. Однако в эти смутные времена лишь такая суровая мера могла спасти детям жизнь. Начнись война — и мирные люди превратятся в голодных, лишенных крова бродяг. И если взрослые еще могли как-то выжить, то слабые, беззащитные дети рисковали стать «двуногими баранами» — легкой добычей, которую мародеры и озверевшие от голода толпы пускали на убой ради куска мяса.

Мир стоял на пороге хаоса, где правил закон силы. Жестокий и беспощадный.

Впрочем, эти три дня Чжоу Инь не тратил даром.

Ему удалось отыскать способ совершенствования, идеально подходивший для его хрупкого и несовершенно тела.

Все, кто проверял его духовные каналы, в один голос твердили: способностей у мальчика нет совсем, к магии он не приспособлен и ничем не отличается от обычного смертного.

В мире заклинателей врожденный дар всегда ценился превыше всего.

Среди непосвященных бытовало мнение, будто одиночный духовный корень — предел мечтаний, сулящий легкий путь к бессмертию. На самом же деле все обстояло гораздо сложнее.

Согласно закону пяти стихий, вода питает дерево, дерево рождает огонь, огонь обращается в землю, земля порождает металл, а металл вновь переходит в воду. Если в теле человека гармонично уживались два взаимодополняющих корня — к примеру, Воды и Дерева, — то при должном наполнении такой союз превосходил по силе любой одиночный корень. Но если элементы конфликтовали, двойной корень терял всякую ценность, сильно уступая в чистоте одиночному. Разумеется, упорным трудом даже посредственность могла подняться до средних высот, но какой учитель не мечтал заполучить в ученики истинного гения?

Чжоу Иня сочли безнадежным вовсе не из-за структуры его духовных корней. Беда заключалась в том, что духовной энергии в его теле было настолько мало, что ее едва ли удавалось нащупать. Подобный врожденный порок считался приговором, который невозможно исправить никакими земными техниками.

Но то, что казалось невозможным для других, не было преградой для него.

Кем был Чжоу Инь в прошлой жизни? Он начинал обычным бродячим заклинателем и прошел весь путь с самого низа, шаг за шагом, не ища легких дорог. Острый ум, способность

перенимать сильные стороны чужих учений, отсекал лишнее и безраздельно отдавался медитации сотворили из него легенду темного пути. Лишившись прежней силы, он сохранил бесценный опыт и мудрость. С тех пор как он осознал изъян своего нынешнего тела, он ни на день не прекращал искать выход — и в конце концов его упорство увенчалось успехом.

В его памяти хранились знания о методике величайшего ордена в поднебесной, Секты Высшего Сокровенного. Называлась она «Канон Высочайшего Очищения и Омовения Костей».

Эта техника не принадлежала к высшим рангам, и доступ к ней имел любой начинающий ученик ордена, однако желающих практиковать ее почти не находилось. Особенность Канона заключалась в полной перестройке всех меридианов тела: приступая к занятиям, заклинитель должен был полностью уничтожить свои прежние достижения и начать путь с чистого листа.

Для тех, кто пострадал от искажения Ци, эта практика могла стать спасением, но здоровому человеку и в голову бы не пришло собственноручно уничтожать плоды многолетних трудов. Древний свиток был обречен пылиться в архивах, всеми позабытый.

Чжоу Инь в свое время изучил бесчисленное множество трактатов и помнил эти строки наизусть, но даже представить не мог, что однажды они сослужат ему такую службу.

Слабость его духовных корней объяснялась вовсе не отсутствием энергии от рождения. Меридианы в его теле были намертво закупорены, из-за чего он не мог вбирать в себя силу неба и земли. Канон же позволял пробить эти заторы, усмирить внутренние потоки и полностью перестроить тело, превратив его в идеальный сосуд для накопления первозданной мощи.

Перерождение требовало времени. Каждое изменение направления потоков энергии приносило невыносимую муку — казалось, будто внутренности разрывают на части, а кости дробят в порошок, чтобы затем собрать заново. Будь у него возможность уйти в глубокое затворничество, он преодолел бы этот барьер одним рывком. Однако слабое детское тело не выдержало бы столь долгой нагрузки, поэтому продвигаться приходилось медленно. Это означало лишь одно: терпеть адскую боль ему придется изо дня в день.

Пруд Драконьей Тени был окутан чистейшей духовной энергией и идеально подходил для тайных тренировок. Чжоу Инь каждый день ускользал туда, чтобы предаться медитации, постичь чистоту разума и постепенно перестроить изъяны своего тела.

Этот путь требовал колоссального терпения: изо дня в день делать одно и то же, зная, что малейшая оплошность грозит потерей рассудка и мучительной гибелью. Но одиночество было верным спутником Чжоу Иня на протяжении веков. То, что после сокрушительного провала небесного испытания он не развеялся прахом, а получил возможность спокойно сидеть на берегу, слушать шелест ветра в соснах и наблюдать за медленным бегом облаков, само по себе казалось ему величайшей щедростью судьбы.

Вершина главного пика горного хребта Зеркального Моря терялась в облаках, укрытая

вечными снегами. Талые воды срывались вниз грохочущим водопадом, наполняя Пруд Драконьей Тени. Эти ледяные струи, вобравшие в себя первозданную силу природы, изо дня в день омывали тело мальчика. Сочетание сурового закаливания и древних практик Канона принесло плоды — заблокированные меридианы наконец сдались под натиском воли заклинателя.

Чжоу Инь медленно открыл глаза. Его лицо побледнело от ледяной воды, а тело все еще содрогалось от отголосков недавней боли. Подобную пытку едва ли вынес бы и взрослый, опытный заклинатель, но ребенок перетерпел ее молча, не издав ни единого стога.

И все же эти мучения принесли свои плоды.

Прежняя тяжесть, сковывавшая его изнутри, бесследно растаяла, уступив место необычайной легкости во всем теле. Первый, самый трудный шаг был сделан. Однако Чжоу Инь понимал: теперь его тело лишь сравнялось по силе с телами обычных учеников, не давая никакого превосходства над ними. Без дальнейшей изнурительной работы он быстро затеряется среди тысяч таких же неофитов и в этом жестоком мире, где правит сила, станет лишь очередной ступенью для чужого триумфа.

С очищением духовных каналов обострились и его чувства — он издали слышал приближающиеся шаги Чжоу Чая.

Поднявшись с валуна, Чжоу Инь доплыл до берега. Появившийся из-за деревьев Чжоу Чай покачал головой, глядя на мокрого до нитки сына — он решил, что тот опять забавлялся у пруда.

— Баоэр, скорее! Бессмертные мастера из Школы Меча Зеркального Моря уже прибыли, только тебя и ждут!

Едва успев проводить старшего сына, несчастные родители теперь лишались и младшего, любимого Баоэра. Матушка Цзи была безутешна, но понимала, что иного пути спасти ребенка нет. Она без конца обнимала мальчика, сквозь слезы давая ему материнские напутствия. Чжоу Инь, несмотря на свою привычную холодность и отстраненность, не мог оставаться совсем равнодушным к искренней любви этой скромной четы.

На сей раз за детьми явились другие посланники. Проверять способности заново никто не стал, а потому поразительные изменения в теле Чжоу Иня остались незамеченными. Собрав сиротливую кучку ребятишек вместе, предводитель группы взмахнул рукой и призвал огромный зеленый лист. Артефакт окутало мягкое изумрудное сияние, и он завис в воздухе, словно невесомое перышко. Еще один жест — и испуганная детвора оказалась на широком листе. Простые крестьяне, никогда прежде не видевшие подобного волшебства, в благоговейном страхе пали ниц.

— Подумать только, испугались простейшего летного артефакта! Какая дремучесть, — фыркнула Чэнь Юаньчжи, с улыбкой наблюдая за происходящим.

Будучи дочерью одного из старейшин Школы Меча Зеркального Моря, Чэнь Юаньчжи с малых лет не знала ни в чем отказа и привыкла к всеобщему обожанию. Лу Яньпин не нашел в ее словах ничего предосудительного и с улыбкой кивнул:

— Это всего лишь темные крестьяне, они всю жизнь провели в своей глуши. Для них любой, кто владеет силой духа, — сошедший с небес бог.

Девушка увязалась в эту поездку лишь ради забавы. Слова спутника польстили ее самолюбию, но скука все равно взяла верх. Она недовольно скривила губы:

— Старший брат Лу, у этих замарашек убогие способности. К чему было посылать за ними тебя? С этим справился бы любой рядовой адепт. Все равно им никогда не попасть во внутренний двор — так и прокоптят небо слугами на окраинах.

— Младшая сестра, в следующий раз я возьму тебя с собой на ярмарку в Сунчжоу! — поспешил вмешаться еще один заклинатель, желая угодить капризной красавице. — Вот там действительно шумно и весело.

— Подумаешь! Старший брат уже давно меня туда водил, — вздернула носик Чэнь Юаньчжи.

— Ну полно тебе, нагулялась, — Лу Яньпин взглянул на солнце. — Время позднее, пора возвращаться.

С этими словами он негромко скомандовал: «В путь!». Огромный лист плавно поднялся в воздух, унося испуганных ребятишек ввысь. Лу Яньпин и остальные спутники призвали свои сияющие клинки и взмыли следом за ними, беря курс на Школу Меча Зеркального Моря.

А внизу, на пыльной земле деревни Чжоу, крестьяне все еще стояли на коленях, с трепетом глядя вслед улетающим фигурам, пока те окончательно не скрылись за пеленой облаков.

Территория Школы Меча Зеркального Моря делилась на Внутренние и Внешние пики. На первых вершинах вершились судьбы ордена и тренировались лучшие мастера, тогда как вторые предназначались для размещения внешних учеников.

Разумеется, Чжоу Иня и его попутчиков привезли именно на Внешние пики.

Впрочем, не все обитатели здешних мест были обделены талантом: среди них встречались и весьма перспективные юноши, однако право войти во внутренний двор нужно было заслужить на суровом испытании, проводившемся раз в пятилетку.

Трое мальчишек, которых поселили в одной комнате с Чжоу Инем, как раз принадлежали к числу таких счастливиц.

Из всей четверки Чжоу Инь выглядел самым бесперспективным. Впрочем, его ангельское

детское личико располагало к себе, да и новые соседи были еще слишком юны, чтобы копить в сердцах спесь, а потому они отнеслись к новичку дружелюбно и тепло.

С другой стороны, самому Чжоу Иню было глубоко плевать на чужое отношение. Даже если бы против него ополчились все великие патриархи поднебесной, он не удостоил бы их и взглядом.

В глубине души он оставался все тем же гордым Хэлянем, сумевшим сберечь искру своей души под сокрушительными ударами небесной кары во время Очищения Пустоты.

— Ой, ты наш новый младший брат? — улыбнулась Хэ Юнь, задорно качнув косичками. — Я Хэ Юнь, это Хуан Вэньцзюнь, а та тихоня в углу — Лю Сяовань. До твоего появления она была у нас самой младшей. Как тебя звать-то?

Стоявший рядом мальчишка небрежно покусывал соломинку, а маленькая Лю Сяовань лишь робко кивнула. Все трое смотрели на него с открытым, неподдельным дружелюбием, без капли притворства.

<http://bllate.org/book/18242/1748923>